

Запретная Аделаида Дрозд ЗОНА

Аделаида Дрозд

Запретная зона

«Литнет»

2026

Дрозд А.

Запретная зона / А. Дрозд — «Литнет», 2026

ОНА - пришла, чтобы разрушить его жизнь одной статьёй. ОН - согласился на интервью, чтобы поставить на ней крест. Всё пошло не по плану, когда встреча закончилась... на рассвете, под проливным дождём, на пустом стадионе. Шарлотта Мюллер – лучшая в жёлтой журналистике. Её перо разбивает карьеры, а сенсационные материалы взрывают ленты. Её новая цель – Давид Рихтер, легендарный капитан «Баварии», неприступный «каменный» защитник, человек без слабостей. Он ненавидит прессу. Она презирает фальшивых идолов спорта. Их противостояние должно было стать грандиозным медиа-убийством. Но одна ночь, одна случайность и одно неожиданное признание меняют всё. Теперь у них есть общая тайна, опаснее любой разоблачительной статьи. Он предлагает чистый лист. Игру без правил. Тайну, которая может всё разрушить. Как далеко ты зайдёшь, чтобы защитить того, кого должен был уничтожить?♥#Книга входит в цикл «сердце чемпиона». Цикл независимых любовных романов о тех, кто привык побеждать на площадке, но проигрывает перед собственными чувствами. Каждая книга — новая история о спортсменах из разных видов спорта, их страсти, страхах, выборе между карьерой и любовью. Их объединяет лишь одно: в самой сложной игре — игре за своё сердце — нет тренеров, запасных и отложенных матчей. Здесь каждый риск — ради настоящего чувства.♥#

© Дрозд А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Непрошеное задание	7
Глава 2. Первый удар по самолюбию	9
Глава 3. Вынужденная поездка	11
Глава 4. Под другим углом	13
Глава 5. Пределы вторжения	15
Глава 6. Взрыв в соцсетях	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Пролог

За кулисами славы. Два часа до встречи.

За кулисами Allianz Arena всегда пахнет одинаково: ароматом свежескошенной травы, лосьоном для разогрева мышц и холодным металлом. И страхом.

Давид Рихтер зашнуровывал бутсы перед финалом Лиги чемпионов, когда к нему подошёл пресс-атташе. Тот выглядел так, будто нёс дурную весть.

– Давид, сегодня вечером у тебя запланировано интервью. Для эксклюзивного материала.

– Перенеси, – не глядя бросил Давид. – После игры. Если выиграем.

– Нельзя перенести. Это Шарлотта Мюллер.

В раздевалке на секунду воцарилась тишина. Давид медленно поднял голову.

– Та самая Мюллер? Та, что размазала по газетам Карстена Вольфа после того скандала с казино?

– Именно она. Из «Шпорт-Экспресс». Они хотят сделать большой портрет. «Настоящее лицо железного капитана». Всё по твоим правилам: твоя территория, твой час, твои темы.

Давид усмехнулся. Сухой, беззвучный смешок.

– Мои темы? У неё нет своих тем. У неё есть только один талант – находить грязь под самым толстым слоем лака. И выдавать это за «правду».

– Контракт с клубом... нам нужно улучшить имидж после того инцидента с пресс-конференцией, – замялся пресс-атташе.

– Значит, я – лекарство? – Давид резко встал, возвышаясь над собеседником. – Хорошо. Пусть приходит. Покажу ей «настоящее лицо». Пусть попробует его разглядеть.

В это же время, в редакции «Шпорт-Экспресс», Шарлотта Мюллер допивала третий кофе и вычитывала черновик. Не статьи. Письма.

«Уважаемый господин Рихтер, в ходе нашего расследования были обнаружены нестыковки в ваших показаниях о травме 2022 года. Если вы не дадите комментарий, мы будем вынуждены опубликовать имеющиеся у нас документы...»

Она стерла текст. Слишком прямо. Слишком грубо. Её ассистент, юный восторженный стажёр, заглянул в кабинет.

– Шарлотта, ты уверена в этом источнике? Про Рихтера? Все говорят, он – монах. Никаких скелетов в шкафу.

Шарлотта хмыкнула, откидываясь на спинку кресла.

– Милый, скелеты есть у всех. Особенно у тех, кто тщательнее всех прибирается. Рихтер не просто чист перед камерами. Он стерилен. Это ненормально. За этой стеной что-то есть. Или... кого-то.

Она взглянула на экран, где в раздевалке перед финалом капитан «Баварии» спокойно завязывал шнурки, пока вокруг бушевал адреналин.

Его лицо было спокойным, как поверхность озера перед бурей. В его глазах не было ни страха, ни азарта. Была только холодная, выверенная до миллиметра решимость.

Именно это и бесило Шарлотту больше всего. Совершенство. Оно всегда было ложью.

– Он думает, что контролирует всё, – тихо проговорила она, больше для себя. – Даже правду. Посмотрим, как он будет контролировать её, когда она встанет перед ним в платье от «Шанель» и с диктофоном в сумочке.

Она распечатала чистый бланк с логотипом издания.

– Господин Рихтер хочет играть по своим правилам? Отлично. Мы сыграем. А потом я напишу историю, которая заставит этот его каменный фасад дать трещину. И мы все посмотрим, что скрывается внутри.

Они оба думали, что знают, чем закончится этот вечер. Они оба жестоко ошибались. Их встреча изменит не только правила игры, но и всю их жизнь.

Переверни страницу, чтобы узнать, с чего началась игра, где ставка – всё.

Глава 1. Непрошеное задание

Офис «Герман Спорт Медиа» пах старым кофе, пылью и нереализованными амбициями. Шарлотта Мюллер прищурилась от резкого света монитора, дочитывая черновой вариант материала о кризисе в женском гандболе. Слово «кризис» отдавало в ней горькой иронией. Ее личный кризис сидел глубоко внутри, придавленный слоями профессионального цинизма.

— Мюллер! В кабинет.

Голос главного редактора, Вольфганга Брауна, прозвучал как скрежет металла. Он не кричал. Он буравил пространство ледяной интонацией.

Шарлотта отпила последний глоток холодного капучино и потянулась за блокнотом. Вольфганг сидел за своим идеально чистым столом, его пальцы сложены домиком. Это был плохой знак.

— Закрываем твой гандбольный триллер, — заявил он, не глядя на нее. — Никто его читать не будет. Никто. У нас есть задача поважнее. Звездная.

В сердце у Шарлотты похолодело. «Звездная» в лексиконе Брауна означало одно: интервью с каким-нибудь надутым эго в спортивных бутсах.

— Давид Рихтер, — произнес редактор, и имя прозвучало как приговор. — Капитан «Баварии». После ухода из сборной, перед решающим матчем Лиги чемпионов. Весь город ждет откровений. Травмы, давление, планы на будущее. Но не сухие факты. Нам нужен человек. Живой, уязвимый. Со всеми его тараканами.

— Вольфганг, у меня уже есть... — начала Шарлотта, но он резко опустил руку на стол, прерывая ее.

— У тебя есть выбор. Большой, многостраничный материал о Рихтере. «Давид Рихтер: человек за броней». Или... — он сделал паузу, давая словам набрать вес, — твой пропуск на выход. Редакция не благотворительный фонд для талантливых, но упрямых журналистов, которые боятся больших тем.

Воздух в кабинете стал густым и невыносимым. Шарлотта сжала пальцы так, что побелели костяшки. Давид Рихтер. Его лицо постоянно мелькало на билбордах, его улыбку продавали в рекламе часов, а его романы со светскими львицами и моделями пережевывали все желтые издания. Ловелас. Нарцисс. Продукт. Именно такой, как Маркус.

Образ Маркуса всплыл перед глазами без спроса: его обаятельная ухмылка в кафе, когда он впервые попросил у нее «небольшого, но душевного» интервью. Его теплые руки на ее плечах, когда он говорил, как ценит ее ум, ее серьезность. А потом — та же ухмылка на первой полосе бульварной газеты рядом с заголовком: «Сердцеед Маркус Хоффман завоевал не только поле, но и сердце известной журналистки!». Он использовал ее. Использовал ее репутацию солидного издания, чтобы придать вес своему «новому, осмысленному» имиджу. А потом просто перестал брать трубку.

— Он не даст того, что вам нужно, — голос Шарлотты прозвучал чужим, плоским. — Он отточил свои ответы до блеска. Будет говорить об ответственности перед клубом, о любви к игре, поблагодарит болельщиков. Это будет гламурная пустышка.

— Тогда твоя задача — разбить скорлупу, — парировал Браун. — Найти трещину. Или, как я уже сказал, уступить место тому, кто сможет. Ты едешь на их утреннюю тренировку завтра. Договоренность есть. Дальше — твои проблемы.

На следующий день у «Саби-Штрассе» пахло скошенной травой и напряженным ожиданием. Шарлотта стояла за забором тренировочного комплекса, среди небольшой кучки коллег с диктофонами и камер. Она чувствовала себя переодетой в чужую кожу. Ее обычная стихия

— тихие раздевалки региональных лиг, долгие беседы с тренерами, чьи имена никто не знает. Здесь же витал дух большого шоу.

Тренировка закончилась. Игроки, краснолицые и уставшие, потянулись в сторону корпусов. И среди них — он. Давид Рихтер. Он был выше, чем на экране, движения даже в усталой походке были удивительно пластичными. Он что-то говорил молодому партнеру по команде, хлопнул его по плечу и засмеялся. Звонкий, открытый смех, который тут же подхватили несколько фотографов, щелкая затворами.

Шарлотта, превозмогая тошнотворный комок в горле, сделала шаг вперед, обходя группу репортеров, задававших вопросы о тактике. Она поймала его взгляд. Не фотокамеру, а именно взгляд.

— Герр Рихтер! Шарлотта Мюллер, «Герман Спорт Медиа». У нас назначена беседа.

Он остановился, медленно вытирая лицо полотенцем. Его глаза, цвета морской волны, оценивающе скользнули по ней — от практичных полусапог до собранных в строгий узел светлых волос, задержались на блокноте в ее руках. В его взгляде не было интереса. Была привычная, уставшая пресыщенность.

— «Герман Спорт Медиа»? — переспросил он, и его голос оказался ниже, хриплее, чем в телевизионных интервью. — Кажется, я соглашался на короткий комментарий после пресс-конференции. Не на «беседу».

— Мой редактор договорился о материале. О вас. Не о матче, — сказала Шарлотта, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — О том, что происходит за кулисами славы. О давлении, о страхах, которые остаются за кадром.

Рихтер усмехнулся. Это была не улыбка, а кривая, жесткая гримаса, которая на мгновение состарила его молодое лицо.

— Страх? За кадром? — Он сделал шаг ближе, и от него пахло потом, травой и дорогим одеколоном. Его физическое присутствие было подавляющим. — Знаете что, фрау Мюллер? Я этих «закадровых» разговоров на год вперед сыт по горло. Вы все приходите с одинаковыми глазами. Голодными. Вам нужна сенсация. Слеза. Признание в слабости. Чтобы потом размазать это по первой полосе с заголовком «Крах титана» или «Сердце чемпиона разбито».

Он бросил полотенце помощнику, не отводя взгляда от Шарлотты. Его глаза теперь были холодными, как лед.

— Вы для меня все на одно лицо. Очередные падальщики. Прилетели на чужую боль, как на пир. Нет у меня для вас «человеческого» материала. Есть игрок Рихтер. Его и берите.

Он развернулся и пошел прочь, к зданию, оставив ее стоять одну в облаке недоумевающих взглядов коллег и щелчков камер, запечатлевших его отказ.

Шарлотта не двигалась. Слова жгли, как пощечина. «Очередной падальщик». Но вместо того чтобы раствориться в унижении, внутри нее что-то щелкнуло. Ярость, острая и чистая, сменила отвращение и страх. Он сгруппировал ее в одну кучу с теми, кого она презирала не меньше его. Он не увидел в ней ничего. Ровно как и Маркус.

Она медленно закрыла свой блокнот, глядя на удаляющуюся спину в футболке с номером «7». Хорошо, мистер Рихтер, подумала она, уже чувствуя холодную сталь решимости в каждой жилке. Вы хотите видеть падальщика? Вы его получите. Я буду копать. Я найду вашу трещину. И когда я разобью вашу скорлупу, вы пожалеете, что назвали меня этим словом.

Это была уже не просто работа. Это была война. А война, как известно, лучшая почва для самых неожиданных чувств.

Глава 2. Первый удар по самолюбию

База клуба «Бавария» напоминала не спортивный объект, а закрытый городок для избранных. Стекло, сталь, идеальный газон, на который без пропуска нельзя было ступить даже босой ногой. Шарлотта прошла через три КПП, каждый раз чувствуя на себе взгляд охранников, оценивающих ее деловой, но отнюдь не гламурный вид. Ей выдали временный бейдж с уничижительной надписью «ГОСТЬ. СОПРОВОЖДЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО». Ее сопровождал юный и невероятно нервный пресс-секретарь клуба, Тим, который то и дело поправлял галстук.

— Герр Рихтер выделил вам пятнадцать минут в медиа-зале после утреннего разбора полетов, — тараторил Тим. — Пятнадцать, фрау Мюллер. Пожалуйста, только по делу. Он не любит, когда...

— ...когда его отвлекают от работы, — закончила за него Шарлотта, сверля взглядом длинный стерильный коридор. — Я в курсе.

Медиа-зал оказался небольшим конференц-залом с логотипом клуба на стене. Пахло свежим кофе и дорогой полиролью для мебели. Давид Рихтер вошел ровно через минуту после назначенного времени — не с опозданием, а с демонстративной точностью человека, чье время исчисляется в шестизначных суммах. Он был в простой футболке и тренировочных штанах, но выглядел как король на своей территории. Он даже не взглянул на Шарлотту, уставившись куда-то в пространство над ее головой.

— Начали, — бросил он, опускаясь в кресло напротив. Его поза кричала о полном отсутствии интереса: откинутая спина, скрещенные ноги, взгляд в окно.

Шарлотта включила диктофон, положила его на стол между ними. — Герр Рихтер, спасибо за время. После завершения карьеры в сборной многие говорят об эмоциональном выгорании. Вы ощущали давление не только как капитан команды, но и как символ для миллионов? Что оставалось за кадром в тот момент вашего заявления?

Он медленно перевел взгляд на диктофон, потом на нее. В его глазах мелькнуло что-то вроде усталого раздражения.

— Заявление было взвешенным решением. Я говорил об этом. Жалею только, что не сделал этого раньше, чтобы сосредоточиться на клубе. Следующий вопрос.

Он говорил заученными, полированными фразами. Стена. Шарлотта меняла тактику, спрашивала о травме колена два года назад, о его знаменитой «школе» для молодых игроков, даже о его любимом месте в Мюнхене. На каждый вопрос он отвечал кратко, без подробностей, постоянно поглядывая на часы. Десять минут из отведенных пятнадцати тикали в гробовой тишине, прерываемой лишь механическим пересказом официальной биографии.

Ее терпение лопнуло, когда, спросив о его отношении к критике в прессе, она получила в ответ ледяное: — Я читаю только спортивную аналитику. Все остальное — шум.

В этот момент в коридоре за стеной раздался смех. Чей-то громкий, развязный голос произнес: — ...а что ты хотел, эти журналисты все как один.... Шарлотта замерла. Голос был похож на голос Рихтера, но менее сдержанный, более насмешливый. Тим, сидевший в углу, заерзал. Давид нахмурился.

— ...прилетают, как мухи на мед, — продолжал голос за стеной. Это был кто-то из его товарищей по команде. — Только дай слабинку, вытянут из тебя все соки, а потом сделают из твоей жизни мыльную оперу. Рихтер прав, их кормить не стоит. Самые наглые — эти серьезные, из больших изданий, с умными глазами. Думают, они другие. А в итоге все одно и то же: укусить поглубже да погромче заголовок.

Слова висели в воздухе, жужжа, как осы. Шарлотта почувствовала, как кровь приливает к лицу. «Умные глаза». Это было про нее. Прямая насмешка над ее попыткой быть професси-

ональной. Давид не проронил ни слова, но уголок его рта дрогнул — не в улыбку, а в нечто похожее на молчаливое согласие, на снисходительную усмешку.

И тогда в Шарлотте что-то перегорело. Вежливость, страх, редакторский план. Осталось только холодное, ясное желание ударить в ответ. Достать до живого.

Она выключила диктофон одним щелчком. Звук был неожиданно громким в тишине комнаты. Давид наконец-то посмотрел на нее прямо, удивленный этим жестом.

— Вы правы, герр Рихтер, — сказала она, и ее голос звучал тихо, но звеняще четко. — Зачем тратить время на пустые вопросы о давлении и травмах? Давайте поговорим о том, что действительно формирует образ. О репутации. Например, о том, как в прошлом году вы столь эффектно и публично расстались с Каролин Фрост. Модель, если я не ошибаюсь. Столько красивых слов было сказано о «взаимном понимании» и «сохранении дружбы». И как странно, что через неделю ее подруга в интервью одному... как вы выразились, «шумному» таблоиду, намекнула на некие «эмоциональные качели» и «неспособность к настоящей близости» с вашей стороны. Это и есть та самая «школа» отношений, которую вы транслируете молодым болельщикам?

Наступила мертвая тишина. Тим, бледный как полотно, сделал вид, что закашлялся. Шарлотта не отводила взгляда от Давида. Она видела, как напряжение волной прокатилось по его плечам. Как исчезло с его лица все — и холодность, и пресыщенность, и усталость. Осталась лишь голая реакция. Его глаза, такие насмешливые минуту назад, потемнели, в них вспыхнул не просто гнев, а что-то острее, болезненнее — яркая вспышка боли и ярости, которую он не успел сдержать. Он побледнел. Его пальцы вцепились в подлокотники кресла так, что побелели суставы.

Он не сказал ни слова. Просто смотрел на нее. Этот взгляд был страшнее любой брани. В нем была ненависть, оторопь и... что-то еще. Что-то, что дало Шарлотте понять — она попала точно в цель. Но не в ту, в которую целилась. Она ткнула не в надутое эго, а в какой-то глубокий, живой нерв.

Давид медленно поднялся. Его движения были скованными, будто каждое давалось ему с усилием. — Время вышло, — произнес он хрипло, и его голос звучал чуждо, сдавленно. Он даже не взглянул на Тима, который вскочил, как ошпаренный.

И он вышел. Не хлопнул дверью, не бросил колкости. Он просто ушел, оставив после себя ледяную пустоту и невысказанную угрозу, висящую в воздухе.

Шарлотта сидела, глядя на пустой стул. Адреналин отступил, сменившись странной, тошнотворной пустотой. Она добилась своего. Пробила броню. Но вид его глаза — раненого, поживотному яростного — не давал почувствовать победу. Она не вытащила сенсацию. Она наступила на мину, даже не подозревая, что она там есть. И теперь не знала, что взорвется первым: его карьера, ее статья или что-то еще, чего она не могла даже представить.

Глава 3. Вынужденная поездка

План редактора Брауна с треском провалился. Материала не было. Было лишь ядовитое молчание после взрыва. Но к удивлению Шарлотты, увольнения не последовало. Вместо этого в ее почту пришло сухое письмо от пресс-службы клуба, скопированное Брауну.

В свете предстоящего выездного матча в Лондоне против «Арсенала» и в рамках согласованного ранее сотрудничества с «Герман Спорт Медиа» клуб предоставляет фрей Мюллер эксклюзивный доступ в поездке для подготовки развернутого материала о подготовке команды к играм международного уровня.

Это был не пропуск. Это был приговор. И явный ход клуба: заставить Рихтера играть по правилам, а журналистку — тонуть в рутине тренировок, не подпуская к сути. Браун, увидев в этом хоть какой-то шанс, лишь хмыкнул: — Они хотят замылить? Отлично. А ты копай глубже. В самолете люди болтливы.

Теперь Шарлотта сидела в салоне частного чартера клуба, чувствуя себя шпионом во вражеском стане. Кожаные кресла, приглушенный свет, тихий гул двигателей. Игроки рассредоточились по салону, кто-то спал в масках на глаза, кто-то смотрел фильмы, кто-то играл в карты. Она старалась быть невидимкой, уткнувшись в ноутбук.

— Это ваше место. Голос прозвучал над ней. Низкий, лишенный интонаций. Она подняла голову. Давид Рихтер стоял в проходе, указывая на кресло у окна рядом с ее местом у прохода. В его лице не было и намек на эмоции после их последней встречи. Только ледяная вежливость.

— Вы уверены? — спросила она, не двигаясь. — Рассадка от тренерского штаба. Для баланса веса, — он бросил эту нелепую отговорку, даже не пытаясь сделать ее правдоподобной, и прошел внутрь, занимая место у иллюминатора.

Неловкость висела между ними плотным туманом. Шарлотта притворилась, что полностью поглощена текстом на экране, чувствуя, как тепло от его тела доносится сквозь узкий подлокотник. Самолет пошел на взлет.

— Надеюсь, вас не укачивает, — внезапно произнес он, глядя в темное окно. — Было бы неприятно, если бы пришлось отвлекать врача команды от дел поважнее.

Колкость была ожидаемой. Шарлотта не стала отводить взгляд от экрана. — Не беспокойтесь. Я привыкла к турбулентности. И не только в воздухе.

Он коротко, беззвучно усмехнулся. — Да, заметно. Вы мастер создавать ее на ровном месте.

— Я лишь задаю вопросы, герр Рихтер. Если почва под ногами твердая, никакой турбулентности не возникает.

— Интересная теория, — он откинулся на спинку кресла, закрыв глаза. — Жаль, что некоторые путают твердую почву с минным полем.

На этом словесная перепалка заглохла. Прошло больше часа. Шарлотта украдкой наблюдала за ним. Сон был наигранным. Он не спал. Его пальцы ритмично постукивали по подлокотнику, челюсть была напряжена. Время от времени он открывал глаза и смотрел в никуда, его взгляд был сосредоточенным и... тревожным. Это не было высокомерие или злость. Это было что-то глубже. Страх? Нет, не страх. Острая, грызущая тревога. Он незаметно для других сжимал и разжимал кулак левой руки — той, что ближе к окну, подальше от посторонних глаз. Капитан команды, икона уверенности, нервничал перед матчем, как новичок. Эта деталь не вязалась с образом непотопляемого ловеласа.

Ей нужно было в туалет. С трудом выбравшись из кресла, она прошла к корме самолета. Возвращаясь обратно по узкому проходу, она замедлила шаг. Давид сидел, отвернувшись к окну, и говорил по телефону. Не в привычной позе победителя, а согнувшись, прикрыв рот

ладонью. Его голос был не тем, что она слышала раньше. Он был тихим, мягким, усталым до боли.

— ...Мама, все будет хорошо. Ты только слушайся врачей, ладно? Не переживай за меня... Нет, нет, все в порядке. Просто перелет... Да, в Лондоне. Нет, не холодно... Спи спокойно. Я позвоню завтра, после игры... Я люблю тебя.

Он произнес эти последние слова так тихо, что Шарлотта едва разобрала. И так нежно, что у нее внутри что-то ёкнуло. Потом он замолчал, слушая, и просто кивал, глядя в непроглядную тьму за стеклом. На его профиле, освещенном голубоватым светом индивидуальной лампы, она увидела невыносимую усталость и грусть. Все его маски — звезды, донжуана, циника — растворились без следа. Перед ней был просто уставший сын, беспокоящийся о больной матери.

Он закончил разговор, опустил телефон на колени и замер, уставившись в свои руки. Шарлотта застыла, боясь пошевелиться, чувствуя себя самым настоящим падальщиком, каким он ее и называл. Она подслушала то, что не предназначалось ничьим ушам.

Медленно, стараясь не издавать звуков, она вернулась на свое место. Давид не шевельнулся, словно и не заметил ее. Но когда она пристегнула ремень, он, не глядя на нее, произнес тем же приглушенным, лишенным энергии голосом, каким говорил с матерью: — Если хоть одно слово об этом появится в вашей статье, я не просто закончу вашу карьеру. Я уничтожу ваше издание. Понятно?

В его голосе не было угрозы. Была холодная, абсолютная уверенность. И обещание. Шарлотта кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Она смотрела на его сильные руки, сцепленные в замок, и думала не о сенсации. Она думала о том, как тяжело должно быть нести на этих плечах груз славы, ожиданий миллионов и тихую, личную боль, которую нельзя показать никому.

И впервые за все время она посмотрела на Давида Рихтера не как на цель, не как на врага, а как на человека. Очень одинокого и очень уставшего. И это пугало ее куда больше, чем его гнев.

Глава 4. Под другим углом

Лондон встретил их низким свинцовым небом и мелким, насквозь пронизывающим дождем. Тренировка на арене «Арсенала» должна была быть легкой, адаптационной. Но уже через полчаса небо разверзлось по-настоящему. Холодные струи хлестали по синтетическому газону, превращая его в скользкое месиво. Большинство игроков после серии упражнений потянулись под крышу, к теплу раздевалок и массажным столам. Но не все.

Шарлотта, прячась под козырьком трибун, наблюдала, как на поле остались двое. Давид и молодой полузащитник, Яник, новичок в основном составе. Давид что-то показывал ему, вновь и вновь разбегаясь и нанося удар по воротам, которые отбивал второй запасной вратарь. Его движения в промокшей до нитки форме были резкими, требовательными. Но не к Янику — к самому себе.

— Снова! Ногу под себя! Не падай! — кричал он сквозь шум дождя, и его голос звучал не как издевка, а как приказ, выкрикиваемый сквозь зубы в бою.

Шарлотта включила диктофон, спрятав его в кармане, и начала делать заметки в блокноте, уже не для статьи, а для себя: 17:45. Дождь. Все ушли. Рихтер и молодой Яник (19 лет?) отрабатывают удар с левой. Яник ошибается. Рихтер не ругает. Показывает снова. Сам. Делает пять раз подряд идеально. Словно говорит: — Смотри, это возможно.

В этот момент на поле вышел главный тренер, Курт Вайгль, плотный мужчина с лицом, высеченным из гранита. Он что-то прокричал, жестом призывая их внутрь. Яник, смутившись, сразу потянулся за своим дриблингом. Но Давид шагнул вперед, заслонив парня собой.

— Еще десять минут, Курт! — его голос перекрыл шум ливня. — У него не получается угол. На матче это будет стоить гола.

— У тебя завтра игра, Давид! Ты вымотаешься! — рявкнул Вайгль.

— Я знаю свое тело лучше. Десять минут. Между мужчинами пробежала невидимая молния.

Тренер что-то буркнул, махнул рукой и ушел, бросив на Яника неодобрительный взгляд. Давид обернулся к молодому игроку, вытирая воду с лица. — Не обращай внимания. Он боится за меня, а не злится на тебя. Давай, сосредоточься. Внимание только на мяч.

И они продолжили. И в позе Давида, в том, как он после удачного попадания Яника хлопнул его по плечу, крикнув — Вот! Видишь!, не было ничего от самовлюбленного эгоиста. Это был капитан. Лидер, несущий ответственность не только за свои голы.

Позже, в отеле, Шарлотта не могла уснуть. Ее блокнот был полон таких противоречивых деталей. Как он незаметно пододвинул бутылку воды пожилому массажисту. Как коротко, но по-деловому ответил на вопросы юного болельщика-инвалида в аэропорту, не вызывая фотографов. Как на ужине он сидел не в центре стола, где лидер, а с краю, слушая, о чем говорят резервисты.

Он был не монстром. Он был сложным, израненным, закованным в броню человеком. И эта броня, возможно, была нужна, чтобы защитить не только его, но и тех, кто был рядом. Как больную мать. Как этого юного Яника.

Она писала, пытаясь связать эти обрывки воедино, когда в дверь постучали. Три резких, нетерпеливых удара. Ее сердце упало. Она подошла к двери, посмотрела в глазок. Давид Рихтер стоял в коридоре. Он был без пиджака, в простой футболке, волосы взъерошены, как будто он тоже не спал. В его глазах горела все та же тревожная энергия, что и в самолете, но теперь она была направлена на нее.

Шарлотта, не открывая цепочку, приоткрыла дверь. — Вы? Сейчас три часа ночи.

— Открой. Или поговорим через дверь на весь этаж, — его голос был сдавленным, хриплым от усталости.

Она вздохнула, отстегнула цепочку. Он вошел, даже не взглянув на нее, прошелся по номеру, будто клеточный зверь.

— Вопрос о Каролин, — выпалил он, остановившись напротив. — Тот, что ты задала на базе. Ты собираешься использовать его в материале?

Шарлотта, опершись о спинку кресла для поддержки, кивнула. — Он часть вашей публичной истории. Это факт.

— Удали его.

— Я не могу. Это...

— УДАЛИ ЕГО! — он резко шагнул к ней, и она инстинктивно отпрянула. Но он не поднял руку. Он сжал кулаки у себя по бокам.

— Ты не понимаешь, во что лезешь. Это не про меня. Там... там есть другие имена. Люди, которых нельзя втягивать в это. Пока не поздно. Убери этот вопрос, и... и я дам тебе другое. Что-то настоящее. Про матч. Про давление. Что угодно.

Он почти умолял. В его глазах была не злоба, а отчаянная, паническая мольба. Ту же боль, что она увидела в самолете, теперь смешали со страхом. Страхом не за себя.

Шарлотта смотрела на него, и кусочки пазла в ее голове сдвинулись, встав на новые, пугающие места. Его реакция тогда, его звонок матери, его защита Яника... и теперь этот ночной визит, чтобы защитить кого-то еще. Кого-то, связанного со скандальным расставанием.

— Какие имена? — тихо спросила она.

— Нет, — он резко отшатнулся, как от огня. — Никаких имен. Только удали вопрос. Договорились?

Они стояли друг напротив друга посреди тихого гостиничного номера, разделенные не только пространством, но и пропастью недоверия и полуправды. Он предлагал сделку. Он, который презирал сделки с прессой.

— Почему я должна вам верить? — наконец произнесла Шарлотта.

— Потому что я впервые прошу, а не требую, — ответил он, и его голос снова стал тихим, усталым. Как в самолете. — И потому что если ты опубликуешь это... ты станешь тем, кого ненавидишь сама. Ты причинишь боль невинным. А это, я уверен, не в твоих правилах, фрау Мюлтер.

Он назвал ее по фамилии. И в его устах это прозвучало не как выпад, а как признание ее личности, ее профессии. Как попытка достучаться до журналистки в ней, а не до врага.

Он повернулся и ушел, оставив дверь открытой. Шарлотта медленно подошла и закрыла ее. Затем вернулась к столу, к своему ноутбуку. Курсор мигал на строчке с вопросом о Каролин Фрост.

Она задумалась. Он был прав в одном: нажать «Delete» было еще не поздно. Но что она получит взамен? И сможет ли она когда-нибудь написать правду, если начнет с самоцензуры? Впервые за долгое время она не знала ответа.

Глава 5. Пределы вторжения

Договор был заключен без слов, но с тяжелым взглядом на утренней тренировке. Шарлотта удалила из черновика прямой вопрос о Каролин Фрост. Давид, увидев ее на поле, лишь слегка наклонил голову – не благодарность, а признание факта: условия приняты. Но цена оказалась выше, чем она предполагала.

После тренировки, когда игроки разошлись на массаж и отдых, Давид подошел к ней. Он был не в игровой форме, а в простых спортивных штанах и футболке.

— Вы хотели что-то настоящее, сказал он без предисловий. — Идите.

Он провел ее в пустую комнату для физиотерапии, где стояли только столы и оборудование. Закрыл дверь. — Говорите.

Шарлотта включила диктофон, положив его на стол между ними, как барьер и как символ. — Начнем с простого. Ваша репутация – железная дисциплина, идеальное тело. Но у всех есть слабости. Чего вы боитесь, как профессионал? Не на поле, а в целом?

Давид стоял, расставив ноги, руки на поясе. Он смотрел на диктофон, потом на нее. — Фотографы в туалетах, ответил он сухо. — И журналисты, которые думают, что личная жизнь – это общественная собственность.

— Это не ответ на вопрос, не отступила Шарлотта. — Это ответ на ваш подход.

Он шагнул ближе. — Вы спрашиваете о страхах. Мой самый большой страх – что какой-то охотник за кликами, как вы, пересечет черту и причинит вред не мне, а людям рядом. Той же Каролин. Или... другим.

Вы все время возвращаетесь к этой теме. Почему? — Потому что вы все время вокруг нее кружите.

Он резко повернулся и начал делать простые упражнения на растяжку, будто разговор был лишь фоном. — Вы спрашиваете о травмах? Вот вам травма.

Он остановился, поднял штанину на левой ноге. На колене, под аккуратными линиями хирургических швов, был старый, глубокий шрам, грубый и темный, почти как ожог.

— Не врачебный. Детский. Падение с высоты. Семь операций. Каждый врач говорил: — Футбол? Вы шутите?. Он опустил штанину. — Это не страх травмы. Это знание, что тело – не машина. Оно может сломаться окончательно. И тогда... Он не закончил, просто смотрел на своё колено, словно видел в нем не часть себя, а отдельную, опасную сущность.

— И тогда все кончено? тихо спросила Шарлотта.

— Нет. Он взглянул на нее, и в его глазах была не гордыня, а странная, почти философская ясность. — Тогда начинается другая жизнь. Жизнь без того, что определяло вас тридцать лет. А я не знаю, кто я без этого. Не Давид Рихтер, футболист. А просто... Давид. И это пугает больше, чем любая боль.

Шарлотта замерла. Это было откровение. Не о слабости, а о идентичности. О потере себя. Она медленно выключила диктофон. — Зачем вы мне это рассказываете?

— Потому что вы выключили диктофон в самолете, когда слышали о моей матери. И удалили вопрос о Каролин.

Он снова подошел к столу, сел напротив. — Вы ищете границы. Я показываю вам одну. Можно говорить о боли. О страхе. О том, что делает меня игроком. Но нельзя – о том, что делает меня человеком вне поля. Это моя территория. И я ее охраняю.

— А если эта территория уже стала публичной из-за вашего статуса?

— Тогда я делаю ее недоступной. Как крепость. Он замолчал, обдумывая слова. — Вы спрашиваете, что допустимо. Допустимо то, что касается игры, команды, моей работы. Не допустимо – то, что касается моей семьи, моего прошлого с женщинами, моих... ошибок. Он произнес последнее слово с особой тяжестью.

Шарлотта записывала это в блокнот, не на диктофон. Как частный договор. — А если я найду ошибку, которая влияет на вашу работу?

— Тогда вы должны быть готовы к ответу. И не только от меня.— Он встал. — Разговор окончен.

Он ушел, оставив ее в комнате с пустым диктофоном и полным блокнотом. Она чувствовала себя одновременно ближе и дальше от него. Он открыл щель в своей броне, но одновременно четко обозначил периметр, за который нельзя заходить. И этот периметр был окружен минным полем.

Утром, перед вылетом в Мюнхен, она проснулась от звонка редактора Брауна. Его голос был резким, почти язвительным. — Мюллер, ты в своем репертуаре. Посмотри на последние новости.

Она открыла браузер на телефоне. В разделе «Спорт-сплетни» одного популярного портала была фотография. Ночной коридор отеля. Слабый свет. Давид Рихтер в дверях ее номера. Она стояла внутри, приоткрыв дверь. Ракурс был выбран так, что казалось, он уже внутри, а она – в полураспаханной одежде для сна. Подпись: Жесткая игра? Капитан «Баварии» Давид Рихтер и журналистка Шарлотта Мюллер обсуждают материалы глубокой ночью. Что скрывает эксклюзивное интервью?

Шарлотта почувствовала, как кровь отливает от лица. Это была фотография с прошлой ночи, когда он приходил требовать удалить вопрос. Кто? Как? Охранник? Случайный прохожий? Или... кто-то из команды?

Она тут же получила сообщение от неизвестного номера. Текст был коротким: Крепость атакована. Вы внутри. Ваша репутация теперь тоже в игре. Выбор прост: быть частью шума или найти правду. Р.

Это было от него. Он не злился. Он ставил ее в одинаковые с ним условия. Теперь ее профессиональная честность была под вопросом. Теперь она была не только охотником, но и целью.

И выбор, который он предлагал, был не между правдой и ложью. Он был между тем, чтобы стать частью грязной игры сплетен, или попытаться, вопреки всему, докопаться до настоящей истории – его и, возможно, своей. Глава закрылась. Но игра только начиналась.

Глава 6. Взрыв в соцсетях

Тишина в самолете обратным рейсом была оглушающей. Шарлотта сидела в хвосте лайнера, отдельно от команды, но чувствовала на себе их взгляды — смесь любопытства, презрения и брезгливого раздражения. Фото уже было везде. Ее телефон разрывался от уведомлений: сообщения от знакомых, коллег, анонимные оскорбления в соцсетях. Хэштег #Ночная журналистка Рихтера уже набирал обороты.

Фанаты «Баварии» разделились на два лагеря. Одни обвиняли ее в хищничестве, в том, что она «спит с историей», чтобы сделать карьеру. Мемы с ее лицом, вставленным в постеры дешевых мелодрам, плодились со скоростью света.

Другие — меньшинство — обвиняли самого Рихтера в непрофессионализме и предательстве образа. Комментарии под фото были адом: — Очередная искательница славы, — Сколько он тебе заплатил за эксклюзив?, — Так вот почему она везде с командой!

Но хуже всего был звонок от Брауна. Его голос не звучал злым. Он звучал довольным. — Ну что, Мюллер, вижу, ты работаешь не только блокнотом! Шутка. Так, слушай сюда. Это золотая жила. Все эти дураки обсуждают, был роман или нет. Нам нужно сыграть на этом.

— Играть? — переспросила Шарлотта, сжимая телефон до хруста в костяшках.

— Да! Мы выпускаем материал. Не в лоб, конечно. Намёки. — Источники в команде говорят о необычной близости... — Журналистка получила доступ туда, куда другим путь заказан... Чувствуешь? Мы не подтверждаем, но и не отрицаем. Пусть кипит. Рейтинг взлетит до небес. Твой тоже.

— Я не буду этого делать. Это ложь. И это убьет мою репутацию.

— Твоя репутация? — Браун фыркнул. — Дорогая, после этого фото у тебя только одна репутация — той, кто спит с источниками. Ты можешь либо смириться и использовать это, либо стать посмешищем, которое выгнали за непрофессионализм. Твой выбор. У тебя есть время до завтра. Присылай черновик с нужными намёками. Или присылай заявление об увольнении. Все. — Он положил трубку.

Шарлотта закрыла глаза, чувствуя, как стены смыкаются. Редакция требовала грязи. Публика жаждала скандала. А она оказалась в центре бури, которую не создавала. Нет, создавала. Она открыла ту дверь. Но кто нажал на спусковой крючок фотоаппарата?

Она снова открыла скандальную публикацию. Смотрела не на фото, а на детали. Качество. Резкость. Это был не случайный кадр с телефона пьяного фаната. Это была качественная фотография, сделанная на хорошую камеру, возможно, с зумом. В нужный момент. В пустом коридоре. Тот, кто сделал его, знал, что Рихтер пойдет к ней. Или ждал, за кем бы он ни пошел. Кто?

— Коллега-журналист? Маловероятно — они не жили в том же отеле.

— Охранник или персонал? Возможно, но зачем им сливать в сплетнический портал, а не в таблоид за большие деньги?

— Кто-то из команды? От завести?

Эта мысль заставила ее похолодеть. Кому в «Баварии» могло быть выгодно скомпрометировать капитана? Недоброжелатель? Игрок, претендующий на его место? Или... кто-то, кто хотел навредить не только Рихтеру, но и ей, сорвав любое серьезное расследование, смешав его с желтой грязью таблоидов?

Возможно, сам клуб. Чтобы дискредитировать ее материал еще до публикации, превратив ее из серьезного журналиста в персонажа светской хроники. Чтобы показать Рихтеру, что любое сближение с прессой опасно.

Внезапно ее телефон завибрировал с новым сообщением. Снова неизвестный номер. — ОТЕЛЬ «Хилтон», Лондон. Персонал уволен два месяца назад за продажу фото папарацци.

Спроси про Эдди, горничную 5-го этажа. Она может помнить что-то. Но будь осторожна. За тобой могут следить. Р.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.